Амга и Валга — истоки нравственности

Владимир Коток

Статья I: Путь от кошки до государства

Введение: взгляд, который изменил угол зрения

Однажды я наблюдал, как кошка прятала новорождённых котят от хозяина. Он уже не раз топил её потомство в ведре с водой. Кошка родила в гаражном шкафу, но, обнаружив, что хозяин нашёл тайник, стала перепрятывать котят. В её глазах я увидел растерянность и безысходность. Она понимала участь своих детей. И тогда я задал себе вопрос: неужели это просто инстинкт?

Ответ пришёл позже. Кошка испытывала по отношению к потомству не просто рефлекс, а **чувство собственности**. И в этом чувстве — зачаток нравственности. Не человеческое изобретение, не дар богов, а нечто, растущее из глубины животного мира.

Эта статья — результат размышлений, которые начались с того наблюдения. Я попытался выстроить стройную картину: от первобытного человека до современного государства, от кошки до контракта, от инстинкта до атеизма. Главными инструментами анализа стали два понятия, которые я определяю здесь и сейчас: **Амга** и **Валга**.

Глава 1. Два полюса собственности

В основе всех отношений, которые мы называем нравственными или социальными, лежит отношение **собственника** (субъекта) к **собственности** (объекту). Это отношение не придумано человеком. Оно существует у высших животных.

Чувство собственности — это признание чего-то «моим». Оно распространяется на потомство, добычу, территорию, орудия, позже — на идеи, символы, людей.

Из этого чувства вырастают два фундаментальных акта, два способа обращения с собственностью:

- **Амга** — присвоение. Акт, которым субъект делает нечто своим. Звукоподражательный корень «ам» взят из первого в жизни человека акта присвоения: сосание материнской груди, когда младенец произносит «ам, ам». Амга — это взять, включить в зону «моего».

- **Валга** — отпускание, отказ от собственности. Корень «вал» (воля) указывает на добровольность: дать волю тому, что было своим. Валга — это освободить, перестать считать своим, передать другому.

Амга и Валга — две стороны одного цикла. Никакая собственность не возникает без Амги, никакое движение собственности между субъектами невозможно без Валги одного и Амги другого.

Глава 2. Матрёшка субъектов и объектов

Собственник и собственность не существуют в пустоте. Они образуют **вложенную иерархию**, которую я называю матрёшкой.

Один и тот же индивид может быть субъектом (собственником) по отношению к тем, кто ниже, и объектом (собственностью) по отношению к тем, кто выше.

Пример: **хозяин → раб → собака раба → щенки собаки**.
Хозяин — субъект для раба, раб — объект для хозяина, но раб — субъект для своей собаки, а собака — объект для раба и субъект для своих щенков.

Эта иерархия не бесконечна. У неё есть вершина и основание. Вершина — **абсолютный субъект**, который ни для кого не является объектом. Основание — **чистый объект**, который не является субъектом ни для кого (камень, сломанное орудие, мёртвое тело).

Человек в этой иерархии занимает срединное положение. Он всегда кому-то принадлежит (родителям, господину, государству, Богу) и сам кем-то/чем-то обладает (потомством, слугами, рабами, вещами).

Глава 3. Два права: родовое и силовое

На каком основании один субъект владеет другим? История и антропология дают два ответа.

Родовое право — собственность по факту происхождения, связи, родства. Мать владеет детьми, потому что родила их. Племя владеет территорией, потому что предки жили здесь. Это право древнее и естественное.

Право силы — собственность по захвату, удержанию, победе в схватке. Волк владеет добычей, потому что отнял её у другого. Завоеватель владеет землёй, потому что победил её защитников.

Конфликт этих двух прав — двигатель нравственной эволюции. Кошка считает котят своими по родовому праву. Хозяин считает себя вправе их топить по праву силы (и, возможно, по праву собственности на кошку). Кошка не может победить силой — она обманывает, перепрятывает. В этом уже есть зачаток нравственного суждения: «Это несправедливо».

Глава 4. От палеолита к неолиту: расширение объекта собственности

В палеолите главными объектами собственности были **потомство** и **добыча**. Люди присваивали то, что уже существовало.

В неолите человек научился изготавливать вещи своими руками. Орудия, посуда, одежда, запасы — всё это стало **рукотворной собственностью**. Возник новый тип Амги: творение, создание объекта, которого не было.

С этого момента появляется **третье основание собственности** — право создателя. Мало кто родил вещь или захватил её. Человек стал её первичным собственником, потому что сделал её.

Это прорыв: вещь можно передать (Валга), обменять, подарить, оставить в наследство. Появляется накопление, неравенство, торговля. Нравственность обогащается новыми понятиями: уважение к чужому труду, запрет воровства, обязательства по обмену.

Глава 5. Иерархия достигает неба: Бог как главный собственник

Вложенность субъект-объект требует вершины. Для первобытного и традиционного человека этой вершиной был **религиозный объект — Бог (боги)**. Бог — главный собственник всего на свете. Он создал мир (Амга Бога) и может им распоряжаться (Валга Бога).

Человек по отношению к Богу — объект («тварь», «раб Божий»). Однако человек может совершать по отношению к Богу ответные акты:

- **Амга человека** — присвоить божественную милость (молитва, жертва, таинство).
- **Валга человека** — отказаться от своей собственности в пользу Бога (жертвоприношение, обет, посвящение).

Божественная иерархия может быть сложной: верховный Бог владеет подчинёнными богами, те — полубогами, те — героями, и так до людей. Это та же матрёшка, вознесённая на небо.

Глава 6. Дуальность: Бог и Дьявол

Однако уже в древних религиях (зороастризм, гностицизм, позже христианство) возникает **дуальный принцип**. Существует не один высший субъект, а два: Бог и его антагонист, Дьявол.

Дьявол — это существо, которое само совершило **Валгу по отношению к Богу**, отказалось быть Его объектом, осознало себя равным. Но оно не стало «ничьим». Оно стало противоположным субъектом — Богом с отрицательным знаком.

С этого момента человек всегда находится между двумя высшими собственниками. Если он не принадлежит Богу, он автоматически становится собственностью Дьявола. Третьего не дано.

Отречение от Бога (Валга человека) — это переход в собственность Дьявола. Отречение от Дьявола (Валга человека) — возвращение к Богу. Человек может выбирать, но он не может быть «ничьим».

Глава 7. Атеизм: попытка стать сувереном

Атеизм — это изобретение сравнительно позднее. Это попытка человека **выйти из системы собственности**, объявить себя собственником самого себя.

Атеист на субъективном уровне никому не принадлежит. Он может чтить родителей, уважать начальство, присягать государству — но всё это он делает как **свободный суверен**, а не как объект чужой собственности.

С точки зрения религиозной дуальной модели, атеист — самообманщик (он всё равно принадлежит Дьяволу). Но с точки зрения философии, атеизм открывает новую возможность: **нравственность без трансцендентного собственника**.

Атеист может добровольно вступать в контракты (брак, работа, военная служба), совершая временную Валгу по отношению к себе. Но эта Валга не окончательная. По окончании контракта он снова становится сувереном. Это радикально отличается от религиозного

положения, где человек всегда объект, даже когда добровольно служит.

Глава 8. Государство как высший суверен нашей реальности

Даже атеист не может уйти от **государства**. В современном мире государство — это высший суверен, который совершает Амгу по отношению к гражданам (налоги, призыв, законы) и может принуждать их к Валге (подчинение, служба).

Государство действует через закон. Закон отражает всю палитру отношений: добровольные (контракты), принудительные (наказания), смешанные (налог — принудительная Валга, но в обмен на блага).

Даже в религиозной монархии, где монарх венчан церковью, атеист принуждается государством наравне с верующим. Вера (иноверие или атеистическое безверие) не освобождает от гражданских обязанностей.

Государство отличается от Бога тем, что от него можно отречься (эмигрировать, сменить гражданство), но нельзя стать «ничьим» — человек попадает под власть другого государства. Полного выхода из системы нет.

Вопрос о том, кто является собственником самого государства (народ? Бог? олигархи?), остаётся открытым для дальнейшего анализа.

Заключение к первой статье: нравственность как баланс Амги и Валги

Предложенная модель не объясняет всю нравственность. Она объясняет её **структуру** через отношения собственности. Нравственный поступок — это всегда либо Амга, либо Валга, либо их сочетание, совершённое в определённом контексте.

- **Низшая нравственность** (животные, дети) — это Амга без рефлексии и Валга только по принуждению.
- **Традиционная нравственность** (первобытные, архаичные общества) — это система ритуалов, которые регулируют Амгу и Валгу внутри иерархии, признавая Бога (богов) верховным собственником.
- **Современная нравственность** — это поле напряжения между тремя субъектами: Богом, Дьяволом (для верующих) и государством (для всех). Атеист пытается выйти из этого поля, но не может избежать государства.

Человек никогда не бывает абсолютно свободен от собственности. Даже когда он кажется себе сувереном, он находится внутри матрёшки. Единственный выбор, который у него есть — **кто его собственник**: Бог, Дьявол, государство, другой человек или он сам. И в этом выборе, добровольном или вынужденном, и заключена человеческая нравственность.

Амга и Валга — не моральные оценки. Это инструменты анализа. Моральной оценке подлежат **обстоятельства** Амги и Валги: добровольность, симметричность, наличие согласия, иерархический контекст.

Путь от кошки до государства — это путь, который каждый человек проходит заново: от первого крика «ам» (присвоение груди матери) до последнего акта Валги (отказ от всего, что было «моим», — смерть). В этом пути и заключена наша человеческая природа.

Автор благодарит когда-то наблюдаемую им кошку, которая своими чувствами показала, что нравственность старше человечества.
Автор спас одного котёнка, забрав его себе.

Конец первой статьи.

Статья II: Путь от тела до смерти

От собственности к личности

Введение: загадка слова «моё»

В первой статье я предложил рассматривать нравственность сквозь призму собственности. Мы ввели два ключевых акта — **Амгу** (присвоение) и **Валгу** (отказ, отпускание). На их основе удалось описать отношения в семье, в первобытной общине, в государстве, в религии. Мы проследили матрёшку субъектов и объектов от кошки до Бога, от палеолита до современного контракта.

Но вся эта стройная конструкция оставляет без ответа вопрос, который лежит глубже. Вопрос, без которого собственность остаётся непонятой вещью в себе.

Почему вообще субъект начинает считать что-либо своим?

Почему котёнок, ещё слепой, тянется к материнскому соску, а мать-кошка защищает его ценой собственной безопасности? Почему человек, у которого отняли дом, чувствует боль, будто отняли часть его самого? Почему племя воюет за клочок земли, который никому из ныне живущих не приносит прямой выгоды? Почему учёный отстаивает авторство открытия, даже если оно не сулит богатства?

Поверхностный ответ — «инстинкт» или «культурная норма». Но инстинкт объясняет действие, а не чувство. А культурная норма сама требует объяснения: почему практически у всех народов и во все времена существует то, что мы называем «моё»?

Чтобы продвинуться дальше, нужно сделать ещё один шаг назад — туда, где ещё нет ни морали, ни права, ни даже языка. Туда, где существует только одно различие, общее для всех живых существ.

Глава 1. Первая граница

Тело как первая собственность

Представьте себе живое существо в самый простой момент его существования. Неважно, кто

это: инфузория, червь, котёнок или человеческий эмбрион. Оно ещё ничего не знает о мире. У него нет понятий, нет слов, нет даже образа «Я». Но уже есть **различение**.

Откуда оно берётся? Из простого факта: организм реагирует на одни воздействия и не реагирует на другие. Удар по камню, на котором лежит червяк, не вызывает у червяка реакции. А удар по самому червяку — вызывает. И не просто вызывает, а вызывает **реакцию самосохранения**: съёживание, бегство, защиту.

Вот это первое, дорефлексивное различие между «тем, на что я реагирую как на себя» и «тем, на что я не реагирую» — и есть первичная граница.

Тело — это первая собственность.

Не потому, что тело кому-то принадлежит. А потому, что само тело есть тот исходный рубеж, за пределами которого организм перестаёт быть собой. Организм не присваивает тело сознательно. Он **есть** тело. Но в этом «есть» уже заложен прообраз всякого присвоения. Тело — это первая, данная от природы территория субъекта.

Как животное узнаёт, где кончается «я»

У высших животных это различие становится более сложным. Собака чувствует прикосновение к шерсти, но не чувствует прикосновение к ошейнику. Однако через некоторое время она начинает относиться к ошейнику как к части себя — реагировать, когда его трогают, пытаться его сохранить. Ошейник **включается** в телесную схему.

Нейробиологи знают этот феномен. Если мы возьмём палку и будем долго ею пользоваться, наш мозг начинает включать палку в схему тела. Мы «чувствуем» кончик палки так, как чувствовали бы собственный палец. Именно поэтому слепой с тростью ощущает препятствия не в руке, а на конце трости. Трость стала продолжением тела.

То же происходит с гнездом у птицы, с норой у лисы, с территорией у волка. Всё это — не просто объекты внешнего мира. Это **расширенное тело**. Животное переживает их как часть своей личности (если это слово применимо к животному).

Телесная собственность как фундамент личности

Отсюда следует важный вывод, на котором строится вся вторая статья:

Личность начинается не с разума, не с самосознания, а с телесной собственности.

Самосознание — более позднее и хрупкое образование. Но до него, под ним, существует более древний слой: безотчётное ощущение «это — моё тело, а это — не моё». Именно это ощущение делает возможным любое «я». Без него не было бы ни страха, ни боли, ни удовольствия. Не было бы и того, кого мы называем субъектом.

Поэтому первая Амга — не сознательный акт. Это биологический императив: организм должен присваивать себя, чтобы выжить. Он не выбирает, быть ли ему собственником своего тела. Он уже есть собственник, и эта собственность дана ему до всякого выбора.

Что мы поняли в этой главе

- Первая граница, разделяющая «моё» и «не моё», проходит по поверхности тела.

- Тело — первичная собственность, не требующая ни юридического оформления, ни культурного обучения.

- Любое расширение собственности (земля, вещи, люди, идеи) является надстройкой над этой телесной основой.

- Личность вырастает из телесной самости, а не возникает из пустоты.

В следующей главе мы посмотрим, как эта первая граница начинает двигаться, расширяться и включать в себя то, что телом не является. От тела — к норе, от норы — к территории, от территории — к семье и государству.

Глава 2. Расширение тела

От организма к среде

Мы оставили субъекта на том рубеже, где его «Я» совпадало с физическими границами тела. Но если бы личность навсегда осталась запертой в этих границах, никакой культуры, никакой собственности, никакой нравственности не возникло бы. Человек (и высшие животные) устроены иначе.

Они **расширяют себя**.

Взглянем на кошку, которая трется о ногу хозяина. Зоологи скажут: она метит территорию, оставляет феромоны. Но что означает это мечение с точки зрения нашей модели?
Кошка **включает** хозяина и пространство вокруг него в свою личность. «Это моё» — говорит её тело, оставляя запах. И это «моё» простирается дальше, чем шерсть и когти.

Возьмём пример проще. Птица вьёт гнездо. Она тратит дни, носит веточки, выстилает пухом. Гнездо находится вне её тела. Но что произойдёт, если разорить гнездо? Птица не просто потеряет убежище. Она испытает **боль**, похожую на ту, которую испытала бы при ранении. Потому что гнездо стало частью её расширенной личности.

Как внешнее становится внутренним

Механизм этого превращения нам уже знаком по кончику трости у слепого. Мозг пластичен. Он постоянно пересматривает карту того, что считать «собой». Нейрофизиологи называют это **телесной схемой** (body schema). Но я предлагаю более широкое понятие — **личная территория** (personal territory).

Личная территория включает:

- Тело (безусловно).

- Предметы постоянного пользования (одежда, орудия, украшения).

- Жилище (нора, гнездо, дом).
- Ближнее пространство (участок земли вокруг жилья).
- Членов семьи (особенно детёнышей).
- В некоторых случаях — стаю, племя, народ.

Всё это переживается субъектом как продолжение его самого. Когда вы входите в свою квартиру, вы чувствуете себя иначе, чем когда входите в чужую. Когда кто-то берёт вашу кружку без спроса, вы ощущаете лёгкое вторжение — даже если кружка вам не дорога. Потому что кружка включена в вашу личную территорию.

Пример с кошкой: возвращение к исходному

Теперь понятнее становится история, с которой всё началось. Кошка родила котят в гаражном шкафу. Котята — не её тело. Но она переживает их как **часть себя**. Когда хозяин убивает котят, кошка чувствует не просто потерю потомства. Она чувствует ампутацию собственной личности.

Поэтому она перепрятывает их. Поэтому на её морде — растерянность и безысходность, когда она понимает, что хозяин раскрыл тайник. Она пытается защитить расширенное «Я» от хирурга, который вырезает куски её существа.

Хозяин, кстати, тоже действует в логике расширенной личности. Он считает кошку своей собственностью — то есть частью своего расширенного «Я». А котята — это продукт его собственности. Топя их, он «чинит» свою территорию так, как ему кажется правильным. Конфликт двух расширенных личностей — кошки и человека — это конфликт двух пересекающихся территорий, каждая из которых претендует на одни и те же объекты.

Собственность как психологическое, а не юридическое понятие

Здесь мы подходим к главному открытию этой главы. **Собственность первично не юридическое, а психологическое явление.**

Юристы учат, что собственность — это отношение между человеком и вещью, признанное государством. Психологи и этологи знают иное: собственность — это отношение между личностью и объектом, в котором объект переживается как часть личности.

Поэтому маленький ребёнок кричит «моё!» задолго до того, как узнает о существовании законов. Поэтому животные дерутся за территорию, не имея понятия о праве. Поэтому человек, лишённый имущества, впадает в депрессию — как будто у него отняли не вещи, а часть его самого.

Юридическая собственность — лишь вторичное, формализованное закрепление этой глубинной психологической реальности. Государство не создаёт чувство «моё». Оно лишь признаёт и регулирует то, что уже существует в психике.

Расширение как эволюционная стратегия

Зачем природе понадобилось такое расширение? Зачем живому существу выходить за пределы своего тела?

Ответ — в эффективности выживания. Организм, который переживает нору как часть себя, будет лучше её защищать. Организм, который переживает детёнышей как часть себя, будет лучше о них заботиться. Организм, который переживает стаю как часть себя, будет лучше кооперироваться.

Расширение личности — это биологическое приспособление. Оно делает субъекта более успешным в борьбе за существование. Однако платой за это становится уязвимость. Чем больше расширенная личность, тем больше точек, по которым можно нанести удар. Потеря территории ранит так же, как физическая рана. Предательство друга болит так же, как перелом.

Что мы поняли в этой главе

- Личность способна расширяться за пределы тела, включая внешние объекты.
- Механизм расширения — нейропластичность и психологическое включение в схему «Я».
- Расширенная личность переживает потерю этих объектов как потерю части себя.
- Собственность — это психологическое явление, лишь затем оформляемое юридически.
- Расширение — эволюционная стратегия, повышающая выживаемость, но увеличивающая уязвимость.

В следующей главе мы сделаем следующий шаг и спросим: а что же тогда такое «Я», которое расширяется? Оказывается, само «Я» не имеет постоянных границ. Оно существует только как процесс присвоения и отпускания. Мы перейдём от «расширения тела» к **природе самой личности** — и увидим, что личность и собственность — это не две разные вещи, а две стороны одного и того же процесса.

Глава 3. Истинная природа собственности

Переворот привычного взгляда

Мы привыкли думать, что собственность — это отношение между человеком и вещью. Человек владеет домом, землёй, деньгами. Вещь находится «вне» человека, но принадлежит ему по закону или по факту захвата.

Эта привычная картина не ложна, но она поверхностна. Она описывает внешнюю сторону явления, но упускает его внутреннюю суть.

Попробуем мысленный эксперимент. Представьте, что у вас отняли дом, в котором вы жили двадцать лет. Юридически дом был вашим. Теперь он не ваш. Что вы чувствуете? Боль, пустоту, гнев. Вы потеряли не просто квадратные метры и крышу над головой. Вы потеряли часть себя, потому что дом был включён в вашу личную территорию, в ваше расширенное «Я».

А теперь представьте, что у вас отняли дом, в котором вы никогда не жили. Дом, доставшийся по наследству и сразу проданный. Боль будет меньше или её не будет вовсе. Почему? Формально вы были собственником в обоих случаях. Юридически статус одинаков. А переживание — разное.

Значит, под юридической оболочкой скрывается нечто иное: степень включённости объекта в личность.

Собственность — это не отношение человека к вещи. Собственность — это отношение личности к самой себе, опосредованное вещью.

Как вещь становится продолжением «Я»

В предыдущей главе мы говорили о расширении тела. Теперь углубим это понимание. Когда человек говорит «мой дом», он совершает не просто констатацию факта. Он проводит границу: «Я простираюсь до этих стен. Всё, что внутри этого контура, — часть моего существа».

Дом может быть разрушен. Но пока он стоит и считается «моим», он участвует в формировании личности. В нём хранятся воспоминания, привычные жесты, запахи. Без него человек чувствует себя неуверенно, как краб без панциря.

То же с одеждой. Почему люди так остро реагируют на вторжение в их одежду? Почему ребёнок плачет, когда кто-то надевает его шапку? Потому что одежда становится **второй кожей**. Она включена в телесную схему. Поэтому мы чувствуем себя голыми не только без одежды, но и в чужой одежде.

Даже такие абстрактные вещи, как репутация, работают по тому же принципу. «Моё доброе имя» — это тоже собственность. Клеветник не отнимает у меня вещь. Он вторгается в моё расширенное «Я», повреждает ту его часть, которая существует в сознании других людей.

Собственность как мера личности

Отсюда вытекает неожиданный вывод: **личность можно измерить её собственностью**.

Разумеется, речь не о денежной стоимости. Речь о количестве и качестве объектов, включённых в расширенное «Я». У младенца эта собственность минимальна — его тело и, возможно, материнская грудь. У взрослого человека — дом, семья, работа, хобби, убеждения, друзья, репутация.

Потеря каждого из этих объектов уменьшает личность. Не в метафорическом, а в буквальном психологическом смысле. Человек, переживший банкротство, потерю семьи, предательство друзей, становится «меньше», чем был. Он сужается до своего несчастного тела. В тяжёлых случаях — до ещё меньшего: до одной боли, до одной обиды.

Это объясняет, почему люди так отчаянно цепляются за собственность, даже когда она им объективно не нужна. Страх потери — это страх уменьшения себя. Скупец, набивающий сундуки золотом, не просто жаден. Он пытается расширить своё «Я» единственным доступным ему способом. Но золото, не включённое в живое расширение личности, остаётся мёртвым

грузом. Оно не становится частью «Я» — оно остаётся внешним объектом. Поэтому скупец никогда не насыщается.

Ошибка юридического и экономического подхода

Юристы и экономисты привыкли рассматривать собственность как связку прав: владеть, пользоваться, распоряжаться. Но эта связка прав существует для того, чтобы защищать психологическую реальность расширенной личности.

Государство не потому охраняет частную собственность, что это «справедливо» в отвлечённом смысле. Государство охраняет частную собственность потому, что люди не могут существовать без расширенного «Я». Если бы завтра отменили все законы о собственности, люди всё равно продолжали бы делить мир на «моё» и «не моё». И дрались бы за эти границы. Законы лишь упорядочивают и смягчают эту драку.

Маркс, призывая к отмене частной собственности, интуитивно чувствовал эту связь. Он хотел отменить не столько вещи, сколько то расширение личности, которое вещи обеспечивают. Но он ошибался, полагая, что человек может стать «свободным» от собственности. Человек не может быть свободен от собственности, потому что собственность есть форма существования личности. Можно изменить, кто и что считает «своим». Нельзя отменить само это «своё».

Собственность как мост между биологией и культурой

Мы начинаем видеть, как замыкается круг. В первой главе мы говорили о телесной собственности как биологическом фундаменте. Во второй — о расширении собственности на внешние объекты. В этой главе мы утверждаем, что собственность есть не что иное, как отношение личности к собственным границам.

Значит, между телом кошки и кодексом законов о собственности нет пропасти. И то и другое — разные этажи одного здания. В основании — телесное «я». Над ним — психологическое расширение. Ещё выше — культурные нормы, регулирующие это расширение. На самом верху — философские и религиозные учения о том, что такое «моё» на самом деле.

Каждый следующий этаж не отменяет предыдущий, а надстраивается над ним. Юридический спор о праве собственности на землю — это, в конечном счёте, спор о том, чьё расширенное «Я» должно включать эту землю. За абстрактными формулировками законов стоит древняя, как жизнь, биологическая реальность: «Это моё, потому что я здесь живу, потому что мои предки здесь похоронены, потому что я вложил сюда свой труд».

Что мы поняли в этой главе

- Собственность — это не отношение человека к вещи, а отношение личности к самой себе через вещь.
- Вещь становится «моей», когда она включена в расширенное «Я».
- Потеря собственности переживается как уменьшение личности.
- Юридическая и экономическая собственность — лишь формализованная оболочка глубинной психологической реальности.

- Личность и собственность неразделимы: отменить собственность — значит отменить личность.

В следующей главе мы обратимся к явлению, которое на первый взгляд противоречит всему сказанному. Это явление — альтруизм. Если личность расширяется через присвоение, то как объяснить поступки, когда человек отдаёт, жертвует, лишает себя собственности ради другого? Увидим, что альтруизм не отменяет логику расширения, а является её высшей формой.

Глава 4. Почему существует альтруизм

Загадка самоотречения

На первый взгляд альтруизм — прямая противоположность собственности. Собственник присваивает, охраняет, удерживает. Альтруист отдаёт, жертвует, отказывается. Кажется, что если вся нравственность, как мы утверждали, вырастает из чувства собственности, то альтруизм должен быть её врагом.

Но это поверхностное противоречие. Когда мы смотрим глубже, оказывается, что альтруизм не уничтожает логику Амги и Валги, а использует их на другом уровне.

Вспомним наши определения. **Амга** — акт присвоения, включения объекта в сферу «моего». **Валга** — акт отпускания, отказа от собственности, передачи её другому.

Животный мир почти не знает Валги. Кошка не отдаст добычу другой кошке добровольно. Волк не подарит территорию соседней стае. Валга в природе возможна только под давлением силы: уступил, потому что слабее. Но у человека появляется нечто принципиально новое — **добровольная Валга**.

Именно она лежит в основе альтруизма.

Мать, которая отдаёт

Вернёмся к нашей кошке. Она не совершает Валги по отношению к котятам — она их прячет, защищает, но не отдаёт. Однако есть животные, у которых акт отпускания потомства встроен в инстинкт. Птица, которая учит птенца летать, постепенно перестаёт его кормить, выталкивает из гнезда. Это **вынужденная Валга**, продиктованная природой.

У человека добровольная Валга достигает высот, недоступных животным. Родители кормят детей, одевают, учат — это Амга (они включают детей в своё расширенное «Я»). Но наступает момент, когда они должны отпустить. Благословение на брак, о котором мы говорили в первой статье — классический акт Валги.

Что при этом происходит с личностью родителей? Она уменьшается: из неё вырезается целый кусок — взрослый ребёнок, который теперь принадлежит самому себе или своему новому супругу. Но родители совершают эту Валгу **добровольно** и даже **радостно**. Почему?

Потому что их расширенное «Я» включает не только конкретных детей, но и **благо этих детей**. Пока дети были маленькими, благо достигалось через Амгу (опеку, защиту). Когда дети выросли, благо достигается через Валгу (отпускание). Акты разные, но цель одна: сохранение и процветание того, что стало частью личности.

Как Валга расширяет личность

Здесь мы подходим к парадоксу, который разрешает загадку альтруизма.

Валга может быть формой расширения личности, а не её уменьшения.

Как это возможно? Представим два способа расширения.

Первый способ — **Амга-расширение**: я включаю объект в своё «Я» и удерживаю его. Моя личность становится больше, потому что теперь «я» = я + мой дом + моя семья + моя репутация.

Второй способ — **Валга-расширение**: я включаю в своё «Я» не объект, а **отношение к объекту**. Например, я люблю человека. Если я пытаюсь присвоить его (Амга), я могу его задушить своей заботой. Если я отпускаю его (Валга), я даю ему свободу. Но при этом он остаётся частью моего расширенного «Я» — просто иначе.

Высшая форма любви, по словам многих мудрецов, — это способность отпустить. Родители, которые не отпускают детей, превращают любовь в тиранию. Друг, который ревнует и контролирует, разрушает дружбу. Валга здесь не отказ от любви, а её зрелая форма.

Альтруизм как Валга на службе расширенного «Я»

Теперь понятнее становится природа альтруизма. Человек жертвует деньги на благотворительность. Что он делает? Совершает Валгу по отношению к деньгам (отпускает их). Но при этом он включает в своё расширенное «Я» тех, кому помогает, — хотя бы символически. «Я помогаю этим детям» означает «эти дети — часть моего мира, часть моей заботы». Без акта Валги (отдачи денег) включение было бы неполным, мнимым.

То же с воином, закрывающим товарища от пули. Он совершает Валгу по отношению к собственной жизни (риск, возможно, смерть). Но его расширенное «Я» включает товарища настолько сильно, что жизнь товарища переживается как более ценная, чем собственная. Это экстремальный случай, но логика та же.

Даже в самых возвышенных формах альтруизма — святой, раздающий имущество нищим, монах, отрекающийся от мира — мы видим работу расширенного «Я». Просто границы этого «Я» проведены иначе. Для святого «своим» становится не золото, а спасение души. Для монаха — не дом, а община верующих или сам Бог.

Добровольная Валга как критерий человека

В первой статье мы различали право силы и родовое право, а также говорили о том, что Валга бывает принудительной и добровольной. Теперь мы можем сделать шаг дальше.

Способность к добровольной Валге — это то, что отличает человеческую нравственность от животного инстинкта.

Животное может отпустить добычу под угрозой (вынужденная Валга). Животное может перестать кормить детёныша, когда тот вырос (инстинктивная Валга). Но добровольная Валга, совершённая сознательно, вопреки инстинкту удержания, вопреки сиюминутной выгоде — это прерогатива человека, достигшего определённого уровня самосознания.

Именно поэтому атеист, не верящий в Бога, тем не менее может совершать Валгу (отдавать

себя государству, семье, делу). И верующий, признающий высшего собственника, тоже может. Способность к Валге не зависит от религии — она зависит от развития личности.

Альтруизм не отменяет собственность

Важнейший вывод этой главы: **альтруизм не противоречит логике собственности, а является её продолжением**.

В первой статье мы утверждали, что нравственность вырастает из чувства собственности. Теперь мы видим, что даже альтруизм — не отказ от этого чувства, а его перенаправление. Альтруист просто считает «своим» не вещи, а нечто иное: благополучие других, справедливость, истину, Бога.

Конфликт между эгоизмом и альтруизмом — это не конфликт собственности и её отсутствия. Это конфликт между **узкой** собственностью (только моё тело и мои вещи) и **широкой** собственностью (моя семья, мой народ, моё человечество, моя вера).

И в этом смысле нравственный прогресс, о котором мы говорили в конце первой статьи, есть не что иное, как последовательное расширение круга того, что субъект считает «своим». От тела — до всего человечества. От инстинкта самосохранения — до готовности отдать жизнь за другого.

Что мы поняли в этой главе

- Альтруизм — это не отказ от собственности, а добровольная Валга, служащая расширенному «Я».
- Добровольная Валга (в отличие от вынужденной) — отличительная черта зрелой человеческой нравственности.
- Любовь, дружба, родительская забота требуют не только Амги (присвоения), но и Валги (отпускания).
- Конфликт эгоизма и альтруизма — это конфликт между узким и широким пониманием того, что есть «моё».
- Нравственный прогресс — это история расширения границ личности через умелое сочетание Амги и Валги.

В следующей главе мы посмотрим, как это расширение происходило в истории человечества. От первобытного племени до идеи всеобщих прав человека — каждый шаг был шагом к включению в «своё» всё большего числа существ. И, возможно, мы увидим, куда движется этот процесс.

Глава 5. Эволюция нравственности

История как расширение круга «своих»

Мы подошли к моменту, когда психологическая модель личности и собственности встречается с историей. Если нравственность действительно вырастает из чувства собственности, а собственность есть не что иное, как отношение личности к своим границам, то история человечества должна быть историей изменения этих границ.

И это именно то, что мы видим.

Первобытное племя считало «своими» только членов своего рода. Все остальные — чужаки, не-люди, враги. Их можно было убивать, грабить, обращать в рабство без угрызений совести. Нравственность внутри племени была высокой — взаимопомощь, забота о стариках, воспитание детей. Но за пределами племени нравственность кончалась.

Следующий шаг — объединение племён в народности. Появляется понятие «своего» для более широкого круга. Грек начинает считать «своими» других греков, хотя ещё не считает варваров. Китаец — других китайцев. Индеец — другие племена своего союза.

Дальше — формирование наций и империй. Римлянин считает «своими» всех граждан Рима, а иногда и покорённые народы, принявшие римские обычаи. Возникает идея «человечности» — сначала для свободных, потом, через тысячелетия, для всех людей.

Амга и Валга на исторической шкале

Если мы наложим на эту шкалу наши понятия из первой статьи, увидим закономерность.

В первобытном обществе доминировала **Амга как присвоение ближнего круга** (рода) и **Валга как уничтожение или изгнание дальнего круга** (чужаков). Нравственность была дуалистична: внутри — всё позволено по любви, снаружи — всё позволено по ненависти.

С возникновением государств и религий появляется **нормативная Валга**. Законы и заповеди начинают ограничивать произвол: даже чужого нельзя убивать просто так, пленному нужно сохранить жизнь, странника следует приютить. Это первые ростки расширения круга «своих» через принудительную норму.

Античные философы (стоики, а затем христианские мыслители) делают следующий шаг: они провозглашают, что все люди — братья. Все люди — «свои» по факту принадлежности к человеческому роду. Это радикальное расширение Амги: теперь каждый человек включён в моё расширенное «Я» хотя бы в минимальной степени. А отсюда следует Валга: я должен поделиться с голодным, потому что он — мой.

Нравственный прогресс как последовательная Амга

Теперь понятно, почему нравственный прогресс, о котором писали философы эпохи Просвещения, не является выдумкой. Он реально существует, если измерять его расширением круга «своих».

Этап 1. Тело. Младенец считает своим только себя. Всё остальное — средство или помеха.

Этап 2. Семья. Ребёнок включает мать, отца, братьев и сестёр в своё расширенное «Я». Потеря родственника переживается как потеря себя.

Этап 3. Род и племя. Подросток включается в жизнь общины. Чувство «мы» охватывает большую группу. Появляется героизм на войне: умереть за племя — значит спасти часть себя.

Этап 4. Нация и государство. С развитием письменности, законов, общей культуры «своими» становятся миллионы незнакомых людей. Патриотизм — это расширенная Амга, где личность включает в себя территорию, историю, язык.

Этап 5. Человечество. Идея прав человека, гуманизма, космополитизма. Все люди достойны уважения, даже если они далеки и чужды. Это Амга, доходящая до биологического предела.

Этап 6. Жизнь вообще. Некоторые мыслители и этические системы (буддизм, экологическая этика) призывают расширить круг «своих» на всех живых существ. Амга охватывает животных, растения, саму жизнь.

На каком этапе остановится человечество? Модель не даёт ответа, но показывает направление.

Обратная сторона: конфликт расширений

Однако было бы наивно полагать, что расширение Амги происходит гладко и беспрепятственно. Каждый новый этап вызывает сопротивление со стороны старого.

Когда христианство провозгласило всех людей равными перед Богом, рабовладельцы восстали: «Как же так, мой раб — моя собственность, а ты говоришь, что он брат?!». Конфликт двух Амг: одна включала раба в расширенное «Я» господина как объект (вещь), другая требовала включить раба как субъекта (личность).

То же самое происходит сегодня, когда защитники животных требуют относиться к скотине как к «своей» в нравственном смысле, а фермеры упираются: «Это моя собственность, я могу её резать». Опять столкновение двух способов быть «своим» — как объекта или как субъекта.

Роль Валги в эволюции нравственности

Мы видели, что расширение Амги (включение всё новых существ в круг «своих») — это одна сторона прогресса. Но есть и другая: **Валга как добровольный отказ от старых границ**.

Чтобы включить чужого в своё «Я», нужно сначала перестать считать его абсолютно чужим. Нужно отпустить старую идентичность («мы — избранные, они — нелюди») и присвоить новую («мы — люди, и они — тоже люди»). Это Валга по отношению к племенному эгоизму и одновременно Амга по отношению к общечеловеческой солидарности.

Такой переход всегда болезнен. И именно здесь возникает феномен **пророков и нравственных реформаторов**. Они первыми совершают Валгу от старого узкого круга и Амгу нового широкого круга. Их осмеивают, преследуют, убивают. Но через поколения их идеи становятся нормой.

Можно сказать, что история нравственности — это история тех, кто сказал: «Тот, кого мы считали чужим, на самом деле — свой. Я отпускаю старую ненависть и присваиваю новую любовь».

Что мы поняли в этой главе

- История человечества — это последовательное расширение круга существ, включаемых в

«своё» (Амга).

- Нравственный прогресс измерим: от племени к нации, от нации к человечеству, от человечества к жизни вообще.

- Каждый шаг расширения требует Валги — отказа от старых границ и старых идентичностей.

- Конфликт нравственных систем — это конфликт между узкой и широкой Амгой, между включением объекта как вещи и как личности.

- Пророки и реформаторы — это те, кто первыми совершает добровольную Валгу и расширенную Амгу.

В следующей главе мы спустимся с уровня истории на уровень межличностных отношений и рассмотрим, как Амга и Валга работают в любви, дружбе и семье. Там мы увидим, что любовь — это не собственность в грубом смысле, но без модели присвоения и отпускания она непонятна.

Глава 6. Любовь как взаимная Амга

Любовь и собственность: мнимое противоречие

Существует устойчивое предубеждение: любовь и собственность — вещи несовместимые. Любовь — это свобода, дарение, бескорыстие. Собственность — это обладание, контроль, ревность. Любящий хочет счастья другому, собственник хочет владеть другим.

Это предубеждение возникло не на пустом месте. Действительно, грубая собственническая любовь, когда один человек стремится полностью подчинить себе другого, — это патология. Но корень ошибки в том, что патологию принимают за суть явления.

На самом деле **любовь невозможна без отношений собственности**. Не потому, что любовь — это владение, а потому, что всякое отношение между двумя личностями включает в себя акты Амги и Валги. Вопрос не в том, есть ли в любви собственность. Вопрос в том, какого рода эта собственность и как она распределена.

Вернёмся к определениям первой статьи. **Амга** — это присвоение, включение объекта в зону «моего». **Валга** — это отпускание, отказ от собственности. Так вот, здоровая любовь — это **симметричная и добровольная двойная Амга** с регулярными актами Валги.

Что значит «любить» с точки зрения Амги и Валги

Когда я говорю «я люблю этого человека», я утверждаю следующее: «Я включаю его в своё расширенное „Я“. Он — часть меня. Его боль — моя боль. Его радость — моя радость. Его судьба важна для меня так же, как моя собственная».

Это чистая Амга. Но Амга особого рода. Я не присваиваю любимого человека как вещь — как

присваивают раба или дом. Я присваиваю его как **другого субъекта**. Я говорю: «Моё расширенное „Я“ включает в себя не объект, а личность, которая сама обладает волей, желаниями, границами».

Именно здесь происходит чудо любви. Обычно Амга превращает объект в часть субъекта, понижая объект до уровня вещи. В любви же Амга **возвышает другого до уровня субъекта**, делая его равным себе. Это парадокс, который не может объяснить ни одна юридическая или экономическая модель собственности. Но наша модель — личности и расширения — объясняет его легко: потому что любимый включается в «Я» именно как «Ты», как ещё один центр личности.

Взаимность: как рождается пара

Но одного акта Амги недостаточно для любви. Любовь требует **взаимности**. Если я включаю другого в своё «Я», а он не включает меня в своё — это не любовь, а влюблённость, поклонение, одержимость. Настоящая любовь возникает тогда, когда происходит **двусторонняя Амга**:

- Я совершаю Амгу по отношению к нему (включаю его в себя).
- Он совершает Амгу по отношению ко мне (включает меня в себя).

Возникает общее пространство «Мы». Это пространство не равно ни моему «Я» по отдельности, ни его «Я». Это новая сущность — пара, союз, семья. В терминах первой статьи — **коллективный субъект**, который владеет общей собственностью (воспоминания, дети, дом, планы) и каждый из партнёров владеет этим коллективным субъектом через свою Амгу.

Пример: муж говорит «моя жена» — это его Амга. Жена говорит «мой муж» — её Амга. Но оба они могут сказать «наша семья» — это уже Амга более высокого уровня, где субъектом выступает пара.

Роль Валги в любви

Если бы любовь состояла только из Амги, она превратилась бы в слияние, где нет места для отдельного «я». Именно поэтому в любви жизненно необходима **Валга**.

Валга в любви — это:

- Уважение к границам другого (отказ от тотального контроля).
- Доверие (отпускание другого в его свободу).
- Прощение (отказ от претензии на возмещение ущерба).
- Жертва (добровольный отказ от своей части собственности ради другого).

- В конечном счёте — готовность отпустить любимого, если его счастье возможно без меня.

Симметричная Амга без Валги приводит к слиянию и потере личности. Асимметричная Валга без Амги — к отчуждению. Только танец Амги и Валги создаёт здоровую любовь.

Любящий постоянно совершает оба акта: «Ты мой (Амга) — и ты свободен (Валга)». Именно это напряжение делает любовь живой. И именно это напряжение порождает ревность, когда кажется, что Валга другого слишком велика (он отдаляется) или его Амга слишком мала (он не включает меня достаточно).

Любовь как школа нравственности

Теперь становится понятно, почему любовь всегда считалась школой нравственности. Именно в любви человек учится совершать **добровольную Амгу** (принимать другого в себя) и **добровольную Валгу** (отказываться от своих притязаний). Без любви эти акты остаются абстрактными понятиями. В любви они становятся живой плотью повседневных выборов.

Ребёнок учится Амге на материнской груди. Но учится добровольной Амге — только в любви. Подросток учится Валге, отпуская свою исключительность ради дружбы. Взрослый учится симметрии взаимной Амги и Валги в браке.

Можно сказать, что **личность созревает ровно настолько, насколько она способна к любви как к симметричному обмену Амгой и Валгой**. Незрелая личность хочет только Амги (обладать, не отпуская). Патологическая личность боится Амги (не может никого впустить) или боится Валги (цепляется мёртвой хваткой).

Отличие любви от других отношений собственности

Здесь важно подчеркнуть отличие любовной Амги от, скажем, Амги господина по отношению к рабу.

- Господин присваивает раба как **объект**. В любви один присваивает другого как **субъекта**.

- Господин не признаёт за рабом права на обратную Амгу. В любви Амга должна быть **взаимной**.

- Господин редко совершает Валгу (отпускание) добровольно. В любви Валга — регулярное и необходимое условие.

Именно поэтому любовь, при всей её связи с собственностью, не является ни рабством, ни владением. Она представляет собой **добровольное расширение личности за счёт включения другого центра личности**. Это высшая форма Амги, доступная человеку.

Что мы поняли в этой главе

- Любовь не противоположна собственности, а является особой формой отношений

собственности.

- Любовь — это взаимная добровольная Амга, при которой каждый включает другого в своё расширенное «Я» как субъекта, а не как объект.

- Здоровая любовь требует баланса Амги (присвоение) и Валги (отпускание, уважение свободы).

- Валга в любви — это доверие, прощение, жертва, способность отпустить.

- Любовь — школа нравственности, где человек учится добровольно совершать Амгу и Валгу.

- Отличие любви от грубой собственности: в любви другой включается как равный субъект, а не как объект.

В следующей, седьмой главе мы перейдём от любви к феномену свободы и суверенитета. Посмотрим, как наша модель объясняет, что значит «быть свободным». Окажется, что свобода — это не отсутствие собственности, а способность выбирать, что считать «своим».

Глава 7. Свобода и суверенитет

Что такое свобода на самом деле

Мы привыкли понимать свободу как **независимость**. Свободен тот, кто ни от кого не зависит, кто никому не принадлежит, кто сам решает свою судьбу. Раб несвободен, потому что он — собственность господина. Крепостной несвободен, потому что привязан к земле. Гражданин тоталитарного государства несвободен, потому что его жизнь контролируется сверху.

Это верное, но неполное понимание. Если довести его до логического конца, абсолютно свободным оказался бы человек, у которого нет никаких связей: ни семьи, ни друзей, ни собственности, ни родины, ни даже собственного тела (ведь тело навязывает нам голод, боль, смерть). Но такой «абсолютно свободный» человек — это не личность. Это абстракция, пустое место.

Парадокс свободы заключается в том, что **свобода неотделима от собственности**. Не потому, что свободный человек должен чем-то владеть, а потому, что сама способность быть свободным вырастает из способности проводить границы «моего».

Вернёмся к первой главе второй статьи. Первая граница проходит по телу. Я не выбираю, быть ли мне собственником своего тела. Я уже есть этот собственник. И в этом первичном обладании — первый, биологический корень свободы: моё тело реагирует на мои команды, а не на команды извне. Я могу поднять руку — и рука поднимается. Это не свобода воли в философском смысле, но это **свобода распоряжения собой**. Младенец, который тянется к игрушке, уже осуществляет эту свободу.

Суверенитет как высшая форма Амги по отношению к себе

В первой статье мы ввели понятие **суверена** — субъекта, который никому не принадлежит как объект и сам распоряжается собой. Атеист, по нашей модели, стремится быть сувереном по отношению к Богу. Гражданин демократического государства — сувереном по отношению к власти (власть — его слуга, а не господин).

Теперь мы можем уточнить: **суверенитет — это способность совершать Амгу по отношению к самому себе**.

Что это значит? Обычно Амга направлена вовне: я присваиваю вещь, территорию, другого человека. Но есть Амга, обращённая внутрь: я присваиваю **себя**. Я говорю: «Я — свой собственный». Это звучит тавтологично, но именно здесь скрыта тайна свободы.

Раб не может сказать «я — свой собственный», потому что он присвоен господином. Господин совершил Амгу по отношению к рабу, и эта Амга подавляет способность раба совершить Амгу по отношению к себе. Раб может освободиться только через **Валгу господина** (господин отпускает его) или через **собственную Валгу** (раб отказывается от самого себя — самоубийство (легенда про баснописца Эзопа), побег или восстание против рабовладельца (восстание Спартака), который тоже есть форма отказа от старого статуса). Но главное — после освобождения он должен совершить **Амгу над собой**: признать себя собственником собственной личности.

Свобода не даётся — она присваивается

Отсюда следует важнейший вывод, который противоречит многим популярным теориям свободы. **Свободу нельзя получить в подарок.** Её можно только присвоить самому.

Можно даровать человеку юридическую свободу — отпустить раба, освободить заключённого, дать права гражданина. Но если сам человек не совершит внутреннюю Амгу по отношению к себе, если он продолжает считать себя объектом чужой воли — он остаётся рабом в душе. История знает множество примеров, когда освобождённые рабы добровольно возвращались к прежним господам, потому что не могли вынести бремени свободы. Бремени быть собственником самого себя.

Свобода — это бремя, потому что она требует постоянных актов Амги и Валги. Свободный человек должен:

- Присваивать свои желания (отличать свои истинные желания от навязанных).
- Отказываться от чужих притязаний (совершать Валгу по отношению к тем, кто хочет им владеть).
- Расширять своё «Я» (совершать Амгу по отношению к миру).
- И вовремя отпускать (совершать Валгу по отношению к тому, что стало чужим).

Несвободный человек избавлен от этого бремени. За него решают другие.

Почему государство — одновременно угроза и гарант свободы

В первой статье мы назвали государство **высшим сувереном в нашей реальности**. Государство совершает Амгу по отношению к гражданам (налоги, законы, призыв) и может принуждать их к Валге (подчинение). На первый взгляд, это противоречит идее свободы. Если гражданин — объект государственной Амги, то он не свободен.

Однако без государства индивидуальная Амга каждого по отношению к себе была бы иллюзорной. В естественном состоянии (как его описывал Гоббс) любой более сильный может совершить Амгу по отношению к более слабому, и никто не защитит слабого. Свобода сильного есть рабство слабого. Государство, ограничивая право силы, создаёт **пространство, где слабый тоже может быть сувереном**.

Таким образом, государство — это **коллективный субъект**, который совершает Амгу по отношению к территории и всем, кто на ней находится, но при этом признаёт за гражданами **ограниченный суверенитет**. Гражданин — не раб государства. Он — объект государственной Амги лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты его собственной Амги над собой.

Вот почему свободное общество требует правового государства. Закон — это публичная Валга государства: оно отказывается от произвольной Амги (не может забрать имущество без суда, не может пытать, не может убивать без приговора). И одновременно закон — это публичная Амга граждан: они присваивают себе право на защиту, на справедливость, на участие во власти.

Иллюзии абсолютной свободы

Философы и бунтари не раз призывали к абсолютной свободе — полному освобождению от всех связей, от всякой собственности, от самого общества. Но эти призывы упираются в непреодолимое препятствие: **абсолютная свобода уничтожает личность**.

Попробуем представить человека, который никому не принадлежит, ничем не владеет, ни к чему не привязан. У него нет тела (оно стареет, болеет, умирает — какая же это свобода?). У него нет памяти (она его определяет — не свобода). У него нет желаний (желания делают его зависимым от объекта желания). Такой человек — не личность, а чистый нуль.

Буддисты, стремящиеся к нирване (угасанию желаний и привязанностей), признают, что нирвана — это прекращение личности в привычном смысле. Это выход за пределы «я». Но для обычного человека, живущего в мире «я» и «моё», абсолютная свобода недостижима и нежелательна.

Истинная свобода не в том, чтобы не иметь собственности, а в том, чтобы выбирать, что считать своей собственностью, и иметь силы защищать этот выбор.

Как Амга и Валга управляют свободой

Теперь мы можем выразить всё сказанное на языке нашей модели.

Свободный человек — это тот, кто:

1. Совершил Амгу по отношению к себе (признал себя собственником собственной личности).

2. Совершил Валгу по отношению ко всем, кто претендует на него как на объект (отказался быть рабом, подданным, вещью).

3. Способен совершать новые Амги (расширять себя, включая новые объекты и субъекты).

4. Способен совершать новые Валги (отказываться от того, что перестало быть своим, добровольно отпускать).

5. Делает всё это не под внешним принуждением, а по внутреннему решению.

Несвободный человек — это тот, у кого:

- Амга над собой подавлена (он считает себя объектом чужой воли).

- Валга в адрес чужих притязаний невозможна (он не может отказаться от роли объекта).

- Любая Амга и Валга совершаются только по команде сверху.

Свобода как постоянный выбор

В завершение этой главы подчеркнём главное. Свобода — не раз и навсегда полученный статус. Это **процесс**. Каждый день свободный человек заново совершает Амгу над собой («я — свой») и Валгу по отношению к тем, кто пытается его присвоить. Каждый день он выбирает, что включить в своё расширенное «Я», а от чего отказаться.

В этом смысле свобода сродни любви. Она не даётся даром. Она требует усилия, внимания, мужества. И она невозможна без постоянного баланса между присвоением и отпусканием.

Человек, который перестал совершать Амгу над собой, становится вещью. Человек, который перестал совершать Валгу, становится тираном — сначала для других, потом для себя. Свобода — это способность танцевать между этими двумя полюсами.

Что мы поняли в этой главе

- Свобода не является отсутствием собственности; она есть способность совершать Амгу по отношению к себе.

- Суверенитет — это высшая форма Амги над собой, признание себя собственником собственной личности.

- Свободу нельзя подарить; её можно только присвоить самостоятельно.

- Государство одновременно ограничивает и гарантирует свободу, создавая пространство

для индивидуальной Амги и Валги.

- Абсолютная свобода (без всякой собственности) — иллюзия, ведущая к уничтожению личности.

- Свободный человек — тот, кто сам решает, что считать «своим», и способен защищать это решение.

- Свобода — это процесс, постоянный выбор между Амгой и Валгой, присвоением и отпусканием.

В следующей, восьмой и заключительной главе мы обратимся к самой радикальной Валге из всех возможных — к смерти. Смерть как абсолютное отпускание всего, что составляло расширенную личность. И в свете этого посмотрим, что остаётся от человека после того, как совершена последняя Валга.

Глава 8. Высшая Валга

Жизнь как череда присвоений и отпусканий

В первых семи главах мы проследили путь личности от первой границы (тело) до высших форм расширения (любовь, свобода, человечество). Мы увидели, что жизнь человека — это непрерывная последовательность актов Амги и Валги. Мы присваиваем вещи, людей, идеи, территории,□□. Мы отпускаем детство, друзей, уходящие возможности, ушедших близких.

Но есть одна Валга, которая превосходит все остальные. Которая не оставляет выбора. Которая завершает историю любой личности.

Это **смерть**.

Смерть — абсолютная, необратимая, тотальная Валга. В ней субъект отказывается (или его отторгают) от всего, что составляло его расширенное «Я». От тела, которое было первой и безусловной собственностью. От вещей, которые стали продолжением рук. От близких, которые вошли в самое сердце личности. От имени, которое связывало его с другими. От дел, которые переживут его. От самого сознания, которое было центром всех Амг и Валг.

Если Валга в жизни — это всегда частичная ампутация, то смерть — это полное исчезновение субъекта как субъекта. Личность перестаёт быть собственником чего бы то ни было, включая себя.

Смерть как предел модели

Наша модель Амги и Валги, описанная в первой статье, предполагает бесконечную вложенность субъектов и объектов. Но смерть обрывает эту вложенность. Умерший больше не может совершать Амгу. Он больше не может совершать Валгу. Он выпадает из цепи присвоений и отпусканий как активное действующее лицо.

Однако — и это важно — умерший может оставаться **объектом** для других субъектов.

Родственники поминают его, государство хранит о нём записи, враги радуются его смерти, историки изучают его жизнь. В терминах нашей модели: субъект исчез, но следы его существования продолжают участвовать в Амге и Валге других.

Поэтому смерть — это не уничтожение собственности как таковой, а **переход всего, чем был субъект, в полную собственность других**. Или, точнее, превращение субъекта в чистый объект. Из того, кто присваивал и отпускал, умерший становится тем, кого присваивают и отпускают.

Отношение к смерти как проекция Амги и Валги

Культуры и религии выработали разные способы обращения с этой предельной Валгой. И все они укладываются в нашу модель.

Погребальный обряд — это акт Валги со стороны живых. Они отпускают умершего из мира живых, отказываются от своей собственности на него (тело, память, связь). Но одновременно это и Амга: они присваивают умершего как предка, как духа, как объект почитания.

Жертвоприношение (в том числе заупокойное) — это Валга живых в пользу умершего или в пользу богов, чтобы обеспечить умершему хороший переход. Это модель добровольного отказа от собственности ради того, кто уже не может ответить Амгой.

Культ предков — это продолжение Амги по отношению к умершим. Они остаются частью расширенного «Я» рода, даже когда их физическое тело исчезло. Их кормят, с ними советуются, их боятся. Это значит, что Валга смерти не является полной. Род отказывается отпускать умерших до конца.

Захоронение с инвентарём (как в палеолите) — это попытка дать умершему возможность продолжить Амгу в ином мире. Ему кладут орудия, украшения, пищу. Живые как бы говорят: «Ты остаёшься субъектом, только в другом месте». Это отрицание абсолютной Валги.

Страх смерти как страх перед тотальной Валгой

Почему люди боятся смерти? Наша модель даёт простой ответ: потому что смерть уничтожает способность к Амге. А без Амги нет личности. Страх смерти — это страх перед тем, что «я» перестанет быть собственником чего бы то ни было, включая само «я».

Но есть и более глубокий слой. Человек боится не только исчезновения себя. Он боится **потери всего, что он присвоил**. Страх смерти — это сумма всех страхов потери: страх оставить детей, страх расстаться с любимым, страх бросить незаконченное дело, страх, что имя забудется, страх, что тело истлеет.

В этом смысле прожитая жизнь — это постепенное приготовление к последней Валге. Тот, кто научился отпускать при жизни (отказываться от власти, от вещей, от амбиций, от людей, когда приходит время), тот легче принимает и финальное отпускание. Тот же, кто цепляется за каждую Амгу, для кого Валга — всегда трагедия и насилие, тот встречает смерть как катастрофу.

Бессмертие как отказ от Валги

Идея бессмертия (буквального или символического) — это попытка избежать последней Валги. Если душа бессмертна, если дела переживают человека, если память о нём вечна — значит, субъект так или иначе сохраняет способность к Амге. Даже после смерти он остаётся

собственником (своей души, своей славы, своего места в раю или аду).

Религии часто обещают именно это: вы не умрёте окончательно. Вы перейдёте в другое состояние, но останетесь собой. Смерть — это не Валга всего, а Валга только тела. Душа продолжит Амгу (молиться, радоваться, страдать, владеть).

Атеистический гуманизм предлагает другую форму бессмертия — в делах и памяти потомков. «Человек жив, пока о нём помнят». Это тоже отказ от полной Валги: я, возможно, исчезну как субъект, но мои следы будут присвоены другими, и в этом смысле я продолжусь.

Наша модель не отрицает эти стремления, но проясняет их природу. Бессмертие — это всегда попытка продлить Амгу за пределы биологической смерти. И она удаётся лишь в той мере, в какой другие субъекты согласны включать умершего в своё расширенное «Я».

Жизнь как подготовка к высшей Валге

Если смерть неизбежна, то вся жизнь оказывается подготовкой к ней. Не в том смысле, что нужно думать только о смерти. А в том смысле, что качество жизни определяется тем, как человек совершает свои Валги.

Тот, кто умеет отпускать, живёт полнее. Потому что он не тратит силы на удержание того, что уже ушло. Он не превращает Амгу в цепляние. Он знает, что каждая вещь, каждый человек, каждый статус — только временно присвоены. И когда приходит время Валги, он совершает её без сожаления или с лёгким сожалением, но не с отчаянием.

Мудрость, о которой говорили философы всех времён, — это умение различать, что действительно является «моим», а что лишь кажется. И умение вовремя отпустить то, что «моим» быть перестало. В этом смысле высшая мудрость — это искусство умирать при жизни: каждый день совершать маленькие Валги, чтобы большая Валга в конце не стала шоком.

Что остаётся после последней Валги

Что же остаётся от человека, совершившего последнюю Валгу? Наша модель даёт честный ответ.

Как субъект — **ничего**. Субъект исчезает. Его Амги и Валги прекращаются.

Но как объект — он остаётся в памяти, в телах других, в истории, в последствиях своих поступков. Другие субъекты могут включать его в своё расширенное «Я». И это единственная форма «бессмертия», которая не противоречит модели.

Возможно, это звучит сухо. Но в этом есть и утешение: пока есть те, кто помнит, кто продолжает дело, кто любил при жизни — умерший не полностью превращён в чистый объект. Он остаётся частью живых, их Амгой и их Валгой.

Возвращение к началу: кошка, смерть и нравственность

Вспомним историю, с которой всё началось. Кошка прятала котят от хозяина, который их травил. Она боролась за их жизнь. Она переживала, когда её обманывали. Она понимала, что котятам грозит смерть.

Смерть для кошки — это абсолютная Валга. Она теряет детёнышей, часть своего расширенного «Я». И она сопротивляется этой Валге всеми силами. Хозяин же, наоборот, совершает Амгу по

праву силы: он присваивает право решать, кому жить, а кому умереть. И его Амга включает в себя акт уничтожения.

Конфликт двух субъектов, двух расширенных личностей, двух пониманий того, что «моё». Кошка говорит: «Котята — мои, я их присвоила родовым правом, не трогай». Хозяин говорит: «Кошка и всё, что она рожает, — моё по праву силы, я делаю что хочу».

В этой драме — вся наша модель. Чувство собственности, Амга и Валга, иерархия субъектов, два вида права. И смерть как высшая ставка.

Наблюдая за этой сценой, я начал путь, который привёл к этим статьям. Теперь путь завершён.

Заключение ко второй статье

Мы начали с вопроса: почему субъект считает что-либо своим? И ответили: потому что личность расширяется, включая мир в свои границы. Первая Амга — это тело. Последняя Валга — это смерть. Между ними — всё человеческое: семья, собственность, любовь, свобода, государство, религия, нравственность.

Мы не отменили понятия Амги и Валги, данные в первой статье. Мы углубили их. Мы показали, что собственность — не юридическая фикция, а форма существования личности. Что альтруизм и любовь — не отрицание собственности, а её высшие формы. Что свобода — это способность самому решать, что считать «своим». Что смерть — это абсолютная Валга, к которой нужно готовиться всю жизнь.

Теперь две статьи стоят рядом. Первая — о структуре отношений собственности (от кошки до государства). Вторая — о природе личности, которая эти отношения порождает.

Вместе они образуют **стройную картину нравственности**. Не нормативную (не предписывающую, что правильно, а что нет), а аналитическую (показывающую, как устроена мораль на самом деле). Эту картину можно применять к себе, к другим, к истории, к политике, к любви, к смерти.

Я не претендую на окончательную истину. Но я предложил инструмент. Амга и Валга — два простых слова, которые могут объяснить очень многое.

Путь от кошки до государства пройден. Путь от тела до смерти тоже пройден.

Дальше — дело каждого, кто захочет воспользоваться этим инструментом.

Конец второй статьи.